

В.Г. Моисеева (Москва, Россия)

**Человек своего времени.
К 100-летию Юрия Васильевича Бондарева**

Аннотация: В статье анализируется творчество Ю.В. Бондарева, художественное своеобразие его прозы, основные черты которой определились в произведениях военной тематики. Внимание также уделено «лейтенантской прозе» – особому явлению в русской литературе, заявившему о себе в конце 1950-х гг.

Ключевые слова: Ю. Бондарев, «военная» проза, «лейтенантская проза», Великая Отечественная война

V.G. Moiseeva (Moscow, Russia)

**A Man of His Time.
To the 100th Anniversary of Yuri Bondarev**

Abstract: The article deals with the artistic originality of Yu.V. Bondarev's work, themed at a man in war. Attention is paid to the so called "lieutenant's prose", a special phenomenon in Russian literature in late 1950s.

Key words: Yuri Bondarev, "military" prose, "lieutenant's prose", Great Patriotic War

В 1957 г. увидела свет повесть Юрия Бондарева «Батальоны просят огня». Именно с этой даты ведет отсчет «лейтенантская» проза. Уже в следующем году читатели познакомятся с прозой Григория Бакланова (повесть «Пядь земли»), через год – с повестью Быкова («Журавлиный крик»). Критика заговорила о «второй волне» военной прозы, и – позднее – к этому течению отнесут прозу К. Воробьева, В. Кондратьева, В. Астафьева.

Много было споров о правомерности самого термина «лейтенантская проза» (впрочем, как и обозначения по тематическому признаку – «военная» проза), однако термин закрепился именно в силу своей очевидности: понятно, что в нем сфокусировано то основное, что объединяет названных писателей, и это, конечно, не их воинское звание, а принадлежность к одному поколению – поколению рожденных в 1920-х гг. О них и о себе строчки Давида Самойлова, родившегося в том же 1920-м:

Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Кто-то из них прошел войну в лейтенантском звании, кто-то получил его после войны (Бондарев получил звание младшего лейтенанта запаса в декабре 1945 г., закончил войну старшим сержантом), кто-то вернулся с войны рядовым (как Астафьев), – важно не это. Именно военные годы сформировали их мировоззрение, личный военный опыт определил доминанты художественного стиля произведений, и не только военной тематики. Поэтому странными и несколько наивными выглядят попытки уличить Юрия Бондарева в том, что он не совсем правомочно был причислен к когорте этих писателей, и искать автобиографические черты в персонажах Бондарева сержантского звания: «...чьи же тогда черты воплощены в образе командира орудия сержанта Меженина из того же произведения?»¹ Это полностью отрицательный, грубый, наглый и жестокий персонаж. Это именно он пытается изнасиловать немецкую девушку Эмму, которую спасает и в которую потом влюбляется лейтенант Никитин <...>. И тут задумаешься. Обычно автор в литературном произведении рассказывает (так или иначе) в том числе и о себе. <...> На войне Юрий Бондарев какое-то время служил командиром орудия, был сержантом, затем – старшим сержантом. И вдруг в одном из самых сильных его романов появляется такой несимпатичный товарищ, при этом сержант и командир орудия. Да отчего же так? В этом романном сержанте отразились черты кого-то из сослуживцев писателя? Или... или что-то было в военной биографии самого Юрия Бондарева? <...> Юрий Васильевич, расскажите. Искренне, без пафоса, доверительно, исповедально. Читатель вас поймет»². Подобного рода инсинуации в адрес Бондарева при всей своей очевидной надуманности отражают отношение к творчеству писателя, которое стало проявляться во второй половине 1990-х – 2010-х и было обусловлено в первую очередь тем, что Бондарев оценивался как типичный, достаточно благополучный советский писатель (лауреат множества премий и член редколлегий разных журналов, первый заместитель председателя правления Союза писателей РСФСР, а в 1990–1994 гг. – председатель Союза писателей России), не пожелавший принять те изменения в стране, которые принесла перестройка. В 1994 г. он публично отказался принять орден Дружбы народов по случаю своего 70-летия от Б.Н. Ельцина, объяснив в телеграмме на имя президента России причины своего отказа: «Сегодня это уже не поможет доброму согласию и дружбе народов нашей великой страны». В 1991 вместе с Александром Прохановым, Валентином Распутиным Бондарев подписал опубликованное в газете «Советская Россия» обращение – «Слово к народу», где была дана следующая оценка происходящему в эти годы в стране: «Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнет, ломается, погружается во тьму и небытие. И эта погибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии».

Биография определила недоверие к творчеству писателя, и оценки произведений, написанных в эти годы («Искушение», 1992; «Непротивление», 1996; «Бермудский треугольник», 1999; «Без милосердия», 2004), во многих случаях, как отмечает Ю.А. Есауленко, представляют собой «излишне эмоциональные, поверхностные суждения, не опирающиеся на глубокое знание текста. Особое (часто отрицательное) влияние на ход анализа произведений Ю. Бондарева оказывают сугубо личные пристрастия критика, его общественная позиция»³.

¹ Речь идет о героях книги Ю. Бондарева «Берег».

² Юрий Комягин: Писатель Юрий Бондарев не пишет правды о себе. 16 июля 2015 г.: <https://jurikan.livejournal.com/11605.html>

³ Есауленко Ю.А. Творчество Ю.В. Бондарева в русской литературной критике: Дисс. ... канд. фи-

В последние годы, что особенно видно по юбилейным статьям (15 марта 2024 г. отмечался столетний юбилей писателя), тональность оценок личности и творчества Бондарева принципиально иная (показательно, например, как теперь оценивается сержантское звание Бондарева: «Пройти всю войну солдатом, чтобы прийти офицером в русскую литературу. Красиво и символично»¹). Теперь мы можем наблюдать крайности иного рода по сравнению с критикой предыдущего периода: Бондарева «назначают» на роль главной фигуры всей «лейтенантской прозы», в чем, на наш взгляд, писатель совершенно не нуждается. Зачастую в статьях, отзывах имплицитно или эксплицитно проводится мысль о возвращении сегодня забытого Бондарева к читателю, что мы можем увидеть, в частности, в красивом пассаже, завершающем во многих отношениях интересную статью Алексей Колобродова, когда он говорит о последних десятилетиях жизни писателя: «Вместе с Советским Союзом он как будто и хотя бы отчасти переместился в Историю. Не в том смысле, что окончательно сгинул из актуального календаря – Бондарев писал, функционировал, делал принципиальные политические заявления <...> – а в том, что оказался сразу и здесь, и там – где вещи и явления прочней и долговечнее, память крепче, судьбы ярче и определенной. Как будто знал, что мир скоро вновь повернется этой суровой, сложной и, в конечном итоге, правильной стороной»².

Жить «здесь» и «там» – для Бондарева не есть выбор последних лет, видеть и оценивать день сегодняшний через призму той правды, которая была выстрадана военным опытом, это, можно сказать, символ веры писателя, он ему следовал всю жизнь, что нашло отражение и в творчестве. Сложно согласиться и с тем, что имя Бондарева в какой-то период стало только частью истории. У него всегда был и есть свой читатель (о чем свидетельствуют многочисленные отзывы на разных интернет-порталах), его произведения привлекали и привлекают внимание исследователей³. Вместе с тем надо отметить, что использованная критиком фигура речи («вместе с Советским Союзом переместился...») подсвечивает важную черту личности и творчества Бондарева: он всегда «вместе» со своим временем, эпохой – литературной, исторической, исследование поэтики его произведений позволяет увидеть, как преломлялись в писательской практике общие тенденции развития литературы на определенных этапах.

Первый вопрос, который адресовали авторам «лейтенантской прозы», почему они обратились к теме войны спустя столько лет после ее завершения? Понятно, что и они сами пытались сформулировать для себя ответ на него, потому что в нем содержится объяснение того, с чем они пришли к читателю послевоенного поколения. Ответ Бондарева на этот вопрос помогает увидеть, что было самым главным для него при обращении к военной теме: «В последние годы я часто слышал вопрос: “Почему ваше поколение сорокалетних начало писать о войне через двенадцать-пятнадцать лет после наступления мира?” <...> Душевный опыт этих людей был насыщен до предела. Все четыре года войны они прожили не переводя дыхания, и, казалось, концентрация деталей, эпизодов, конфликтов, ощущений,

лол. наук. М., 2008. Цит. по: <https://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-yuv-bondareva-v-russkoi-literaturnoi-kritike/read>

¹ Алексей Колобродов: Юрий Бондарев, от солдата на войне до генерала русской литературы. Часть 2: vnnews.ru/aleksey-kolobrodov-yuriy-bondarev-ot-s-2/

² Там же.

³ В диссертации Ю.А. Есауленко представлено более 400 источников (газетные и журнальные статьи, литературоведческие обзоры, научные статьи, диссертационные исследования, монографии), содержащих критические отзывы о творчестве Ю. Бондарева.

потерь, образов солдат, пейзажей, запахов, разговоров, ненависти и любви была настолько густа и сильна после возвращения с фронта, что просто невозможно было все это организовать, найти необходимый сюжет, композицию, ясно проявить главную мысль. Сотни сюжетов, судеб, коллизий, характеров теснились в неостывшей памяти каждого. Все было слишком горячо, слишком близко – детали вырастали до гигантских размеров, затмевали основное. И вот прошло много лет – все постепенно отстоялось. Время сделало выбор и отбор. И самое время потребовало сказать о войне то, что еще не было сказано другими. <...> Это было время после XX съезда, когда партия мужественно сказала правду о годах культа личности <...>. Мы почувствовали справедливость. Эта справедливость была человеколюбием, литература стала рассматривать человека пристальнее и подробнее. Она хотела быть исследованием внутреннего мира, тончайших движений души, ее противоречивости и сложности. Но человек не может быть независим от истории. Война уже была историей, а мы – действующими лицами ее <...>. Вот об этом писало среднее поколение. Мы не боялись трагедий, мы писали о человеке, очутившемся в самой нечеловеческой обстановке. Мы искали в нем силы преодоления самого себя и в жестокие дни искали добро и пытались увидеть будущее. Мы изображали войну такой, какой видели ее сами, какой она была»¹.

Военный опыт – то, что определяет и общность писателей «лейтенантской прозы», и различия в их видении войны как события исторического и экзистенциального. Опыт у каждого из них был свой и, что не менее важно, каждым по-своему осмыслялся в контексте уже нового, мирного времени. Эти различия мы увидим, если попытаемся выделить «внутреннюю тему» произведений, например, Бакланова, Быкова и Бондарева².

«Внутреннюю тему» произведений Бакланова, где, начиная с первых книг, почти декларативно заявлен «частный» характер жизни, поступков героев и событий, в которых они принимали участие, и одновременно подчеркивалась их связь с большой историей³, можно определить формулой «частный человек – создатель Истории». О «внутренней теме» творчества Быкова написано много, и давно найдено для нее определение: это тема выбора, того нравственного выбора, который герои писателя делают в экзистенциальной ситуации – на грани жизни и смерти, но который, по мысли писателя, является экзистенциальным по своей сути, независимо от сложности, трагичности и т. д. внешней ситуации. Для Бондарева же «внутренней темой» является столкновение человека с миром, столкновение как вечная война человека и мира, в которой обязательно есть победители и проигравшие (не случайно в его книгах мотив-образ «боя» является постоянным, о чем мы будем еще говорить дальше).

«Внешняя тема» – война – по-разному коррелирует с «внутренней». Для Бакланова это этап истории, когда все положительные и отрицательные стороны исторического времени и жизни в нем человека проявлены наиболее отчетливо; для Быкова – та ситуация, в которой экзистенциальность внутреннего выбора человека совпадает с экзистенциальностью внешних обстоятельств; у Бондарева вой-

¹ Бондарев Ю. Взгляд в биографию // Бондарев Ю. Горячий снег. Взгляд в биографию. М.: АСТ, 2024. С. 255.

² «Внутренняя тема» – термин И.А. Виноградова: «...это те стороны, которыми повернуты объекты, которые выдвинуты в них на первый план» (*Виноградов И.А. Внутренняя тема // Виноградов И.А. Вопросы марксистской поэтики. Избранные работы. М., 1972. С. 169–171*). «Внутренняя тема» в единстве с «внешней» и определяет доминанты стиля писателя.

³ Показательны в этом плане названия его повестей: «Южнее главного удара», «Пядь земли».

на как модель социума, в которой обнажены основные механизмы, управляющие жизнью человека внутри него.

В сюжетах военных произведений Бондарева большое место занимают батальные эпизоды. Изображение боя – это и конкретная картина, и образно-метафорическая: «...Остро прищутив светлые глаза, Жорка пустил длинную очередь трассирующих по бегущим от тупорылого грузовика немцам, закричал что-то азартное, перемешивая в этом крике бродяг, проституток и шибзиков. <...> Будто опаляющий ветер поднялся от ревуших танков, от пулеметов, от разрывов на брустверах, от учащенных ударов противотанковых ружей, от неразборчивого Жоркиного крика, поднялся и обрушился губительно на голову паренька» («Батальоны просят огня»). Обрисовывая отдельные моменты, подробности боя, писатель дает «крупный план» изображения, а в форме развернутого метафорического сравнения, которое как бы вбирает в себя все частности, – «общий план». Таким образом картина конкретного боя приобретает почти эпический масштаб, представляется как битва человека и противостоящей ему стихии, квинтэссенция великого поединка человеческого и античеловеческого (в любых его формах), происходящего ежедневно и ежечасно, а на войне только более драматично. Подробно исследовав образную тему «бой» в произведениях писателя, Ф.М. Горленко приходит к выводу, что, во-первых, она является у Бондарева сквозной, во-вторых, «ее образно-смысловое развитие осуществляется посредством взаимодействия ассоциативно-концептуального ядерного тропа образа “бой – огненное море” и системы взаимосвязанных с ним ассоциативно-знаковых периферийных образов»¹. Этот вывод относится не только к военной прозе писателя. Бондаревская концепция мира выстраивается вокруг образа-понятия «бой», дополняясь такими образами-понятиями, как «берег», «выбор», «игра», «искушение», значение которых подчеркивается вынесением их в заглавие произведений. Взаимосвязь этих понятий подчеркивается и тем, что в работах исследователей первые три романа рассматриваются как трилогия, а после выхода в свет «Искушения» стали говорить уже о тетралогии². Очевидно и достаточно традиционно значение второго из них – «выбор», поэтому позволим себе подробнее остановиться на остальных.

Роман «Берег» (1975) в момент своего появления вызвал много споров, связанных с образом главного героя и финалом романа (неожиданная и, как утверждали некоторые критики, художественно не мотивированная смерть Новикова), любовной коллизией Вадим Никитин – Эмма Герберт и, в итоге, с общей концепцией произведения, отраженной в заглавии. О его значении говорит Л. Финк, участвуя в обсуждении романа, инициированном журналом «Вопросы литературы»: «Начнем с начала – с названия. У него есть два смысла: с одной стороны, берег – это цель движения, тот самый солнечный берег, упоминанием о котором роман заканчивается, с другой – в романе несколько раз фигурирует понятие: люди, стоящие на разных берегах. Значит, есть мир разделенный, мир, в котором столкнулись разные социальные силы, и возникает вопрос о том, может ли этот разделенный мир прийти к одному берегу, солнечному и обетованному»³, – в возможность чего, добавим мы, так верилось сразу после окончания Второй мировой войны.

¹ Горленко Ф.М. Экспрессивно-семантические связи слов в художественном тексте (на материале произведений Ю. Бондарева): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986. С. 176.

² Доклад А.Л. Крупчанова «Творчество Ю. Бондарева: от лейтенантской прозы к тетралогии» на Круглом столе «Тема Великой Отечественной войны в русской литературе XX–XXI веков», проходившем на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в мае 2020 г.

³ См.: Соколов В. Мир современный, мир сложный; Роман Ю. Бондарева «Берег» обсуждают Л. Финк,

Образ берега в романе имеет психологическое и социокультурное значение, поскольку связан не только с личной историей героев, но и с темой Россия – Запад в романе, которая будет продолжена в следующем по хронологии произведении тетралогии – романе «Игра». Как и в предыдущем произведении, заглавный образ – образ игры – связан с противопоставлением двух начал, двух полюсов жизни, добра и зла в человеке («рабская лживость» Молочкова, скрывающая, как маска, «мстительную улыбку» и «перекошенное злобой лицо»); поведение «многоопытного лицедея» директора студии Балабанова) и в современном мире. Наблюдая за жизнью в Европе и меняющейся жизнью в России, главный герой режиссер Крымов осознает, что «жизнь подменяют игрушкой, <...> игрой в жизнь», «весь мир играет в дешевую красоту». Бондарев видит в этом влияние именно западной культуры – так образ берега как символ противостояния дополняется, уточняется образом-мотивом игры. Однако мотив берега получает здесь развитие и в философско-психологическом плане, проясняя, какие категории для писателя являются определяющими в понятии «добро»: в финале романа перед смертью Крымову открываются «среди летней травы на бугре» «распахнутые ворота древнего каменного монастыря, залитого полуденным солнцем, виденного им когда-то на Севере, и почему-то появилась высокая монашка, вся в черном, траурном, мучительно знакомая родным взглядом траурных глаз, с белым платом на черной шапочке, с мокрым от слез лицом, которая шла ему навстречу в сопровождении худого и изможденного протопопа Аввакума, в смертельной тоске прижимая к груди молитвенно сложенные руки»¹. И образ монастыря предстает как чаемый героями берег, приблизиться к которому дано только за пределами земного пространства, где продолжается бой добра и зла, примирение невозможно. По крайней мере, в современном мире. По крайней мере, по мысли Бондарева.

В последнем романе тетралогии – «Искушение» (1991) – писатель обращается к набирающей популярность в 1970–1980-е гг. экологической тематике, которая, позволив себе предположить, привлекает его прежде всего как возможность актуализировать в художественном тексте на уровнях сюжетном и образном нравственно-философскую проблему ответственности человека за свои поступки не только перед собой и другими людьми, но и перед всем живым: теперь в бою, в противостоянии добра и зла «потери в живой силе» несет не только человек (добровольный уход из жизни академика Григорьева, гибель Тарутина, друга главного героя), но и природа, в жизнь которой человек волюнтаристски вмешивается, перекраивая земной ландшафт в угоду своим меркантильным интересам. В романе мы можем найти мотивы, характерные для тетралогии в целом (выбора – берега – игры и, конечно, боя), однако центральный мотив – искушения – делает слышимыми такие «обертоны» этих мотивов, которые дают почувствовать неоднозначность воплощенных в них категорий нравственной оценки человека, его поступков. Искушение в романе – это не только предлагаемая академиком Козиним и министром Татарчуком² Дроздову, главному герою, возможность об-

В. Чалмаев, В. Соколов, А. Лиханов, А. Бочаров // Вопросы литературы. 1975. №9. С. 26–73. Цит. по: vorlit.ru/article/mir-sovremennyj-mir-slozhnyj-roman-yu-bondareva-bereg-obsuzhdayut-l-fink-v-chalmaev-v-sokolov-a-lihanov-a-bocharov/

¹ Бондарев Ю.В. Игра // Бондарев Ю.В. Игра: Роман; Мгновения: Миниатюры. М.: Худож. лит., 1987. С. 224.

² Об образах этих героев, мотивах евангельских и «Легенды Великого Инквизитора» в романе см.: Шкурат Л.С. Проблема духовно-нравственного самоопределения героя-интеллекта на рубеже XX–XXI вв. (по роману Ю.В. Бондарева «Искушение» // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2015. №3. С. 119–128.

речения разного рода материальных и социальных благ путем отречения от своих идей, но и искушение праведной, справедливой ненавистью, которую он видит в своем друге Тарутине и которая, по мысли Дроздова, губительна прежде всего для самого человека. Он не может выбрать для себя ни тот, ни другой путь. Финал романа открытый.

Анализ тетралогии показывает, с одной стороны, цельность мировидения писателя, с другой стороны, то, что эта цельность не означает отсутствия в ней внутреннего движения, направленного на постижение разных сторон жизни, что влечет за собой развитие и художественного стиля писателя, языка его произведений.

Надо отметить, что Бондарев с первых своих произведений был очень требователен к слову, много внимания уделял выработке собственного художественного стиля. Он говорил: «...Я не люблю фразы нагой, лишенной какой бы то ни было эмоциональной окраски, без внутреннего нерва. Иногда нужна, разумеется, и резкая бескрасочная обнаженность, однако чаще всего только насыщенная оттенками фраза передает энергию, запах, настроение, цвет – почти физическое ощущение описываемого предмета»¹. В поэтике Бондарева романтически-возвышенное и натуралистически-достоверное органично сочетаются, вырабатывается новый стиль, базирующийся на соединении традиций социально-психологической и героико-романтической прозы. Бондарев пытается найти свой путь преодоления «канцелярита»: «...понятие “канцелярит” не более чем эвфемизм: оно является знаком другого явления – стиля, в котором господствует слово, когда-то родившееся в системе новой общественной идеологии, но потом застывшее, окостеневшее»². Бондарев, как отмечалось в одной из статей тех лет, «демонстративно восстает против оскопления языка, обесцвечивания его»³.

Проблема выработки индивидуального стиля, борьба против «окостеневших» форм языка выступили на первый план в литературе конца 1950-х. Г.А. Белая так характеризует этот период: «...начался перспективный процесс, который условно можно назвать преодолением обособленности стиля от изображаемой действительности, от живущего в ней человека. Он был полон полемики, этот процесс...»⁴. Стиль Бондарева, на наш взгляд, сложился на стыке «старого» и «нового», он как бы изнутри полемичен. С одной стороны, язык повестей – эмоциональный, образный, включающий и элементы живой, естественной разговорной речи, – выгодно отличался от «клишированного» языка многих произведений тех лет. С другой стороны, поскольку в описаниях доминирует авторское мировосприятие (а в тех случаях, когда авторское слово соседствует со словом героя, речь персонажа чаще всего не содержит выраженных индивидуальных характеристик), можно сказать, что повествование в произведениях Юрия Бондарева, в сущности, монологично.

В военной прозе Бондарева обозначилось его стремление уйти и от однозначной оценки человека, деления на положительных и отрицательных героев. «...В психологическом “да” заложена частица “нет” <...>. ...художественная истина выявляется из столкновения “да” и “нет”, положенных на чашу весов, мера которых сердце и разум»⁵, – писал он. Выяснение этой художественной истины требует от писателя тонкого психологического анализа, разработки емкой, мно-

¹ Бондарев Ю. Время – жизнь – писатель // Литература великого подвига: Великая Отечественная война в литературе. Вып. 2. М., 1975. С. 278.

² Белая Г.А. Художественный мир современной прозы. М., 1983. С. 68.

³ Борцаговский А. Жизнь и смерть капитана Новикова // Дружба народов. 1959. № 7. С. 67.

⁴ Белая Г.А. Художественный мир современной прозы. С. 68.

⁵ Бондарев Ю. Поиск истины. М., 1976. С. 137.

гогранной системы моральной оценки человека. Мало увидеть и констатировать сложность человеческой природы, необходимо осмыслить взаимообусловленность ее различных свойств, выявить ее доминанту, – в противном случае действительно можно поверить, что, как заявляет Бондарев, «в человеке уживаются несколько характеров, нередко совершенно противоположных, исключающих друг друга»¹. И можно согласиться с Г.А. Белой, что «безбрежная аморфность “раскованной” человеческой личности», признаваемая Бондаревым, является лишь «обратным знаком» по отношению к замкнутой наглухо моральной системе оценок В. Быкова. И в том и в другом случае за пределами психологического исследования остается диалектическая связь различных корректирующих друг друга слоев, из которых состоит человеческая личность².

Как мы видим, биографический, исторический, социокультурный контекст определяет не только направленность внимания Бондарева на те или иные темы, проблемы, но и художественные принципы, особенности художественного стиля его произведений. В большей или меньшей степени, но это влияние проявляется в творчестве любого художника, однако Бондарева, на наш взгляд, отличает особая чуткость к социокультурным запросам времени. Это подтверждают и слова самого писателя: «Все, что я пишу, целиком обусловлено временем <...>. Время живет в писателе, так же как писатель живет во времени»³.

ЛИТЕРАТУРА

Белая Г.А. Художественный мир современной прозы. М., 1983. 192 с.

Горленко Ф.М. Экспрессивно-семантические связи слов в художественном тексте (на материале произведений Ю. Бондарева): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986. 195 с.

Есауленко Ю.А. Творчество Ю.В. Бондарева в русской литературной критике: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. Цит. по: <https://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-yuv-bondareva-v-russkoi-literaturnoi-kritike/read>

Колобродов Алексей: Юрий Бондарев, от солдата на войне до генерала русской литературы. Часть 1. 28.04.2024: <https://vnnews.ru/aleksey-kolobrodov-yuriy-bondarev-ot-s/>

Колобродов Алексей: Юрий Бондарев, от солдата на войне до генерала русской литературы. Часть 2. 28.04.2024: <https://vnnews.ru/aleksey-kolobrodov-yuriy-bondarev-ot-s-2/>

Соколов В. Мир современный, мир сложный; Роман Ю. Бондарева «Берег» обсуждают Л. Финк, В. Чалмаев, В. Соколов, А. Лиханов, А. Бочаров // Вопросы литературы. 1975. №9. С. 26–73. Цит. по: voplit.ru/article/mir-sovremennyj-mir-slozhnyj-roman-yu-bondareva-bereg-obsuzhdayut-l-fink-v-chalmaev-v-sokolov-a-lihanov-a-bocharov/

Шкурат Л.С. Проблема духовно-нравственного самоопределения героя-интеллекта на рубеже XX–XXI веков (по роману Ю.В.Бондарева «Искушение») // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2015. №3. С. 119–128.

¹ Там же. С. 132–133.

² *Белая Г.А.* Художественный мир современной прозы. С. 36.

³ Страницы творчества. Юрий Бондарев. М.: Русский язык, 1984. С. 134.

REFERENCES

- Belaya G.A. (1983) *The Artistic World of Contemporary Prose*. Moscow. 192 p.
- Gorlenko F.M. (1986) *Expressive-semantic Connections of Words in a Literary Text* (based on the works of Yu. Bondarev): Thesis. Moscow. 195 p.
- Esaulenko Yu.A. (2008) *Creativity of Yu.V. Bondarev in Russian Literary Criticism*: Thesis. Moscow: www.dissercat.com/content/tvorchestvo-yuv-bondareva-v-russkoi-literaturnoi-kritike/read
- Kolobrodov Alexei: Yuri Bondarev, from a Soldier in the War to a General of Russian Literature. Part 1. 28.04.2024: <https://vnnews.ru/aleksey-kolobrodov-yuriy-bondarev-ot-s/>
- Kolobrodov Alexei: Yuri Bondarev, from a Soldier in the War to a General of Russian Literature. Part 2. 28.04.2024: <https://vnnews.ru/aleksey-kolobrodov-yuriy-bondarev-ot-s-2/>
- Shkurat L.S. The Problem of Spiritual and Moral Self-Determination of the Intellectual Hero at the turn of the 20th–21st cs. (based on the novel “The Temptation” by Yu.V. Bondarev). *Vestnik TvGU. Series: Philology*. 2015. No 3, pp. 119–128.
- Sokolov V. The World Is Contemporary, The World Is Complex; Yu. Bondarev’s novel “The Shore” is discussed by L. Fink, V. Chalmaev, V. Sokolov, A. Likhanov, A. Bocharov. *Voprosy Literaturny*. 1975. No 9, pp. 26–73: voplit.ru/article/mir-sovremennyj-mir-slozhnyj-roman-yu-bondareva-bereg-obsuzhdayut-l-fink-v-chalmaev-v-sokolov-a-lihanov-a-bocharov/

Сведения об авторе:

Виктория Георгиевна Моисеева,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Victoria Moiseeva,
PhD
Senior Research Associate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
moisvik44@gmail.com